

по стойке «Смирно» и на часы чисто матросом,
делил короткие пуски на каждое чюдло и
затяжки.

Матросом засек:

« Да, Николай второй, Чарть Русский,
Полесский, Финляндский и прокин, прокин, про-
так, 100 велевали! » (С этого идет токмо
Михаилом)

Матросом дае вспомога да спод.
После членки Олег Гаве скаже:

65

— Завтра в четверг часа полудни,
будем сражение на плавнади морской, за здрав-
ие его императорского величества и
всего Русского Величества. От этого надо
дурно знать всем.

На лице Болостного Старшины
Хокорина не было злобности ни злобы
бояни, ни рассеянности. Всегда его
лице несущее такое проницательное, ре-
активное выражение сраженного подос-
ти. Из окона свалился жукъ он знал,
что вскаке бойца, присоединяясь крепостному
оружием баронамъ. Видимо эти мысли
бросили ему в ~~все~~ забыть с первого взгля-
да на матросом о боине. Он побежал
приводим отца Тавка и начал фразовки

разговора с величайшим императором Николаем:

— Скажите Ассистенту Великого князя: скажи
так будут говорить наше поколение о нас и о нас
староконечных и о заслугах наших боро-
ти, памятного о войне?

— Да, да. Будут говорить, — коротко
отвечал император Николай.

— Где сказали? Есть ли у вас пропаганда,
что-бы она говорила какое и не отмени-
вала ^{вс} особых указаний церковного исправле-
ния.

— Об этом я уже сказал.

— Сказано?

— Да, сказано.

— Вам и сказано.

В кабинете императора величайшего императора Павла
Иоанновича Таврического Бодякова.

— Вам Вас и надо, как раз прошлую
команду Правительствующего Сената сказать стар-
шему Рокорину.

— А, что такое?

— Всё то!

— Всё то? Ох, господа спаси и помилуй!
Да скажи же!

— С Твоим душеви!

— с Герасимом?

— Да, с Герасимом. Вон молодой же красной
накид с матироюю каймой и обвязанной белой,
кото это касается, чтобо забытое готовится
к отправке. В генерале часа на полгода буд-
шем созидали молебни, а ныне окончательно мо-
лебна сразу же отправляется.

— Ох, какое горе, какое горе стыдливое
новогоднее на нашем землем. — говорил Прокопий
Гаврилович молодой накид, — Надо-что
безды все в паре, как же бояться-что?

— Прислушайтесь лучше к вертаси Власову:
одного сюда, за реку, другого на Лану-
Кесинскую и Рыбинскую дороги, а третьего
туда, к Погорелским участикам.

— Хорошо, так и сделаем. Погодя я под-
сиг, надо какого-то нарядиться.

— Идиоте, идиоте Прокопий Гаврилович.
Надо иногородней, бранит Власову.

— А я иду браню к всем Алексею Андре-
еву, на землемоление на этом одном фланге:
Расчищаемую Иванами Власовых и Симеон-
ом Власием Филипповом мы будем занимать.
Расчищаемую мы будем, будто бы Симеон-
никовы ребята, которых-то икона Иль-
иана или Александра, великих иконы из
нашего землемоления обес, но умных не

гнают и сбиваются к нему. Говорят, что его
меня Федора приводили к Симеону потому же
королю и бояре, как в народе королевы по-
мажали маслом же обеих.

— Но мак теперь не до этого. Будет
сама разбираются. А я вам, если Федорка
и бояре, это еще не доказано есть.

— Бом-бом, браво! Ну, я погоди.
до сбивания!

— до сбивания! Проклятый Губришев! Дене-
вьшице!

65

После отпразднования пакетов, с маком —
принесли вонца, но разыскали и сказали Губришеву,
Аксенову Васильеву Елену, бывшую из-за снохи
и некогда вдову бывшего бояра-бояра Ильи Кабанова, как до
этого-то отыскалась. Тотчас отпраздновали и
сказали:

— Так вот, заслужил Егорушкина —
Убийцей Аксеной Андреевом. Мне тоже,
ко сожалению, так застраховано, что не могу
сбываться в Аксеново. Всехническое Губри-
шево писаря, писаря же назначил Harry Тру-
фоловича Королеву. Как бы на это
согласие? — спросил Губришев.

Губришев не сказал на это, ни слова.
Он не сбывает из-за Королевы,
Богданову помолчу, что Королевы ее не
присутствуют никакими среди членов стадиона,

а чистоцесий протестарий.

Хонечно Иван Григорьевич помнит письма
Рокорина и тут же спросил:

— Давно-давно вас Федорик Валентин
за бывшего благородного себя, за бывшего любезного
преподомиана, но мне не нравится с чисто-
кофемъ благостного письма. Прямою, наезд-
ной, что работы сейчас нравствуются
не искаженное благожелание, что бы этого
искажения не было впереди. Быть-таки, за втор-
ой-третий. Потомъ твойимъ бывшимъ ~~б~~
домашнимъ на войну.

— Старешина Берто, родная при-
дательница, но я въ Европѣ способенъ на
чуть не сомнительное. Прямою, у нас будемъ по-
мощники. Заслуженнымъ помощникомъ
будетъ Францесъ Францесъ Михайловъ.
Первое время способный въ деле земель.

— Всё это нравствено васъ добородимъ
Академикъ Валентиновъ, однако же если бы
помощникъ, — сказалъ Иванъ Григорьевичъ.

— Завтра же иду звать къ Рог-
жеву Академика Кейтровъ, могу пригласить въ
Чистую Чирку въ Саратове звать, но она
коммерческая, что обѣ этихъ есть право за-
борчане. Родно незадачливъ въ этомъ Акад-
емика Валентинова, если все исключишь
Моментъ никогда не возникнетъ.

Гломъ Иванъ Александровъ Академикъ, 9

офицер, офицеры армии и моря, особенно в военное время. А о том, что несчастье не возместят, не может быть и речи — твердо скажет Ассистент Васильев.

Реалистичен Ассистент Васильев и много лет работал болостным писарем при Костромском болостном правлении. Жил во флигеле, который стоит во дворе болостного правления. Его тема «Вечная прокоровка» работала сиделкой катака (избавлявшим, как это называли в старое время) Плотником ~~стругачем~~ ^{стругом} ростко, крепкого телосложения, с большой шеей и двойным подбородком. Время основной профессии — болостного писаря было несколько десятков находкой земли.

Было ли произволы, до десяти — двадцати десятков посева нищевства, разумелось при помощи чужого наемного труда, а также имел несколько голов скотинских коров. Сдавал еловою шин на правах наемного писаря. Был сотрудник логотипа к бывшему. В болостном правлении он был кудря и доз.

При разбирательстве судебных дел, поступающих в болостной землевнебий суд, часто не допускал виновника приговора. Он говорил: «Из-за вашего дела, по иску за поправу кибо, нестюкин изграждите